

И. Н. ХРАПУНОВ

**ПОДБОЙНАЯ МОГИЛА
С ДВУМЯ ПОГРЕБЕНИЯМИ III в. н. э.
ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ**

Могильник Нейзац расположен в центре крымских предгорий, в долине реки Зуя, приблизительно в 20 км к востоку от Симферополя. В ходе исследований, ведущихся с 1996 года, на его территории изучено 492 погребальных сооружений, в том числе 78 склепов, 167 подбойных и 247 грунтовых могил [1]. В настоящей работе публикуются результаты раскопок подбойной могилы № 300, содержавшей выразительный погребальный инвентарь, характерный как для могильника Нейзац, так и для синхронных ему памятников, расположенных в предгорной зоне Крыма.

Прямоугольная в плане входная яма этой могилы ориентирована с запада на восток (рис. 1). Ее размеры 2,45x1,1 м, глубина от уровня материка 1,4 м, от современной дневной поверхности - 2,2 м. В северной стене входной ямы на высоте 0,8 м от дна вырублена ниша. Ее размеры 0,5x0,5x0,5 м. В нише находились железные удила (рис. 1,1; 6,3). В заполнении входной ямы обнаружены многочисленные, лежавшие в беспорядке кости лошади. Там же находились обломки амфор, краснолаковых и лепных сосудов. Один из них сохранил полный профиль (рис. 3,1).

Подпрямоугольный в плане подбой вырублен в южной стене входной ямы. Его размеры 2,65x1,4 м. Подбой отделялся от входной ямы закладом, состоящим из крупных (1,0x0,65, 1,1x0,7 м и т.п.), поставленных в два ряда плит.

В подбое совершили два захоронения (рис. 2). Погребенных положили рядом друг с другом, в вытянутом положении на спине, головой на восток. В головах, у восточной стены подбоя стояла амфора (рис. 2,8; 3,3), под ней обнаружена железная пряжка (рис. 2,22; 6,2), рядом находились накладки (рис. 2,16,17; 4,7,8) и наколенники (рис. 2,9-11,13,18,20; 4,1-6) ремней, а также бляшки (рис. 2,12,14,15,19,23; 5,5-9), очевидно, представлявшие собой остатки конской сбруи. Там же лежали кости животных, обломки трех ножей (рис. 2,21,24,48; 6,4-6), пряслице (рис. 2,25; 6,1) и две бусины (рис. 2,26; 9,21). Поодаль от этого скопления предметов находились железные пряжка (рис. 2,7; 6,8) и удила (рис. 2,27; 8,1).

Погребение I располагалось вдоль южной стены подбоя. У черепа находились серьги (рис. 2,28,29; 5,2; 7,10), на месте груди – многочисленные бусы (рис. 2,30; 9,3-9,11-20), две подвески-лунницы (рис. 2,31,32; 4,9,10) и на месте левой части груди – очень крупная лучковая фибула с надетым на нее кольцом (рис. 2,33; 5,1). На руки погребенной надели по браслету (рис. 2,34,42; 5,4; 7,9). У кисти левой руки расчищено скопление предметов, в том числе четыре крупные бусины (рис. 2,36,37,39,46; 9,1,2,10,27), бронзовая пронизка (рис. 2,38; 7,4), зеркало (рис. 2,45; 7,11), три колокольчика (рис. 2,41,43,44; 7,5-7). Там же находился пластинчатый перстень (рис. 2,40; 7,8), вероятно, надетый на палец. У правого бедра стояла краснолаковая миска (рис. 2,35; 3,2). В ногах расчищено множество бус (рис. 2,47; 9,22-25,28-37), очевидно, от обшивки подола.

Погребение II располагалось ближе к закладу. На месте груди обнаружена железная фибула (рис. 2,6; 8,2). На левую руку был надет браслет (рис. 2,5; 5,3). Под левой бедренной костью лежала пряжка (рис. 2,4; 7,1).

У западной стены подбоя обнаружены лежавшие рядом две пряжки (рис. 2,1,2; 7,2,3) и оселок (рис. 2,3; 6,7). В заполнении подбоя найдены две серебряные бляшки (рис. 5,10,11).

Ниже охарактеризуем наиболее выразительные категории погребального инвентаря. Наконечники ремней, накладки на ремни и бляшки, очевидно, представляли собой остатки конской сбруи.

Наконечники ремней, каждый из которых состоит из двух секировидных пластин, скрепленных заклепкой. Два наконечника целиком бронзовые (рис. 4,1,2), у двух других внешняя пластина серебряная, внутренняя – бронзовая (рис. 4,3,5). Это весьма редкий тип наконечников. Точная аналогия обнаружена только в сарматском погребении конца II – начала III вв. н. э. из Визешдпусты на территории современной Румынии, где найдено два таких наконечника [2, S. 205, Abb. 1,13,14].

Наконечники ремней, каждый из которых состоит из двух расширяющихся в верхней и в нижней части пластин, скрепленных заклепкой (рис. 4,4,6). Внешние пластины серебряные, внутренние – бронзовые. Похожий наконечник входил в состав гарнитуры ремня, найденного в могильнике западных балтов Nikitowo. Он датируется фазой В₂, то есть временем, близким к середине II в. н. э. [3, s. 108, гус. 5,11].

Бронзовые, прямоугольные накладки на ремень, с двумя заклепками каждая (рис. 4,7,8). Похожие накладки найдены в Усть-Альминском могильнике в Крыму [4, рис. 91,1,8], в катакомбе кургана 15 позднесарматского могильника Кубей в Северо-Западном Причерноморье [5, с. 21, рис. 21,3 = 6, fig. 10,2]. В Визешдпусте в Румынии в погребении конца II – начала III вв. н. э. обнаружены две такие накладки, с той разницей, что у одной из них (вторая обломана) было три, а не две заклепки [2, S. 205, Abb. 2,4,5]. В погребении IV в. н. э. Утамышского кургана № 2 в Прикаспийском Дагестане оказался наконечник

ремня, состоявший из двух пластин, каждая из которых аналогична по форме нашим накладкам [7, с. 57, рис. 10,8].

Подобные накладки украшали ремень из могильника вельбарской культуры Pruszcz Gdanski. находка датируется фазой B₂, то есть, приблизительно, серединой II в. н. э. Еще одна накладка на тот же ремень, его наконечник и пряжка не имеют аналогий в Восточной Европе [3, s. 103, гус. 3,6]. Говоря об этой накладке и только что упоминавшихся наконечниках ремней с аналогией из Nikipowo, следует отметить следующее. Ременная гарнитура западных балтов и германцев, несмотря на сходство отдельных элементов, в целом, существенно отличается от распространенной в среде степных сарматов и населения крымских предгорий. Поэтому близость некоторых простой формы наконечников ремней и накладок, отмеченная у западных балтов и германцев, с одной стороны, и у жителей крымских предгорий, с другой, скорее всего, случайна.

Бляшки (рис. 5,5-11), состоящие из серебряных заклепок и полусферических шляпок. Маленькие серебряные бляшки весьма широко использовались в позднесарматской культуре. Впрочем, их появление, судя по находке в склепе I в. до н. э. – I в. н. э. из могильника Левадки, следует отнести к более раннему времени [8, с.12, рис. 4,8]. Бляшки отличаются друг от друга формой шляпки и способом крепления к основе (заклепкой или припаянной скрепой). С их помощью украшали оружие, конскую сбрую и деревянные предметы [примеры см.: 9, с. 110]. Они встречены в нескольких комплексах III в. н. э. могильника Нейзац, всегда с деталями конской сбруи [10, с. 330, рис. 3,9,10; 9, с. 110, рис. 3,1-3]. Наиболее поздние находки таких бляшек относятся к IV в. н. э. [11, с. 16, рис. 73,16].

Удила железные (рис. 6,3; 8,1). Грызла сделаны из двух стержней, каждый из которых заканчивается с обеих сторон петлями. Одна пара петель вставлялась друг в друга, во внешние петли продеты кольца. К кольцам с помощью зажимов крепили ременную часть сбруи. Удила с кольцами были широчайшим образом распространены в позднесарматскую эпоху. Правда, зажимы на них фиксируются редко, что, возможно, связано с плохой, как правило, сохранностью артефактов. В нашем случае тоже сохранились лишь незначительные остатки зажимов [примеры позднесарматских удил с зажимами на кольцах см.: 12, с. 253, рис. 1,7,8; 13, с. 134, рис. 1,2,3].

Фибула бронзовая с надетым на нее кольцом (рис. 5,1). Она подвязная двучленная с нижней тетивой, железной осью четырехвитковой пружины, со сплошной обмоткой, образованной концом подвязки, круглой в сечении спинкой и расширенной ножкой. На иглу надето круглое в сечении кольцо. Застежку следует отнести ко II («инкерманской») серии лучковых подвязных фибул по классификации А. К. Амброза [14, с. 52]. Фибулы этой серии с проволочной спинкой и спиральной обмоткой были весьма широко распространены в предгорьях и на южном берегу Крыма в период, близкий к середине III в. н. э. [15,

с. 143; 11, с. 55]. Из новых находок точная аналогия и тоже с кольцом происходит из могилы 310 могильника Заветное [16, с. 254, рис. 17,1].

Обычай надевать на фибулу кольцо, перстень, серьгу или браслет отмечен во всех крымских могильниках II–III вв. н. э. [некоторые примеры см.: 17, с. 534]. Гораздо реже такие находки фиксируются в степных сарматских погребениях и, с некоторыми модификациями, в некрополе Кобякова городища на Нижнем Дону и в Цебельдинских могильниках Абхазии [18, с. 135].

Фибула железная (рис. 8,2) по классификации А. К. Амброза относится к группе 15, серии I, варианту 4 лучковых подвязных фибул [14, с. 50]. По современным данным застежки варианта 4 датируются в пределах второй половины II – первой половины III вв. н. э. [19, с. 107; 20, с. 102, 103; 21, с. 292]. Они многократно встречались в могильнике Нейзац [см. напр.: 22, с. 166; 23, с. 47]. Особенностью этого могильника является довольно значительное количество лучковых подвязных фибул, изготовленных из железа [24, с. 175].

Интересно отметить разницу в положении фибул в женском и мужском погребениях. Бронзовая застежка в женском погребении направлена головкой вниз, а железная в мужском погребении расположена поперек костяка. Возможно, так фиксируются отличия между женской и мужской одеждой.

Пряжки бронзовые (рис. 7,1-3). Несмотря на отсутствие у двух из них щитков и утрату части язычков, пряжки, в общем, соответствуют типу П2а по классификации В. Ю. Малашева, с датировкой в пределах III в. н. э. [25, с. 195, 207, 208, рис. 1; 2]. Их характеризуют округлые формы рамок и щитков, прогнутые, сравнительно короткие язычки, утолщенные в передней части рамки, отсутствие фасетировки. Такие пряжки в большом количестве найдены и в сарматских степных, и в крымских предгорных могильниках.

Браслет серебряный (рис. 5,4), пластинчатый, со щитком, укрепленным на шарнирах. Такой же браслет, но со стеклянной вставкой, найден в могиле № 9 некрополя Суворово в Крыму, где датируется III в. н. э. [26, с. 108, рис. 58]. Аналогичный или очень похожий серебряный браслет, возможно, обнаружен в погребении 8 могильника Бельбек II. Уверенно о форме этого браслета судить сложно из-за не слишком подробного описания и фотографии, сделанной только в одном ракурсе, к тому же его щиток разломан [27, с. 42, 51, рис. III,14]. Подобным образом сделан отличающийся в деталях браслет, найденный в погребении IV в. н. э. на территории Венгрии [28, s. 18, 19, кер. 4, tabl. II,1]. Следует еще отметить конструктивное сходство, почти тождество публикуемого браслета с гораздо более дорогими серебряными изделиями второй половины III – IV в. н. э., щитки которых украшены золотой орнаментированной фольгой и сердоликовыми вставками [11, с. 40].

Браслет бронзовый (рис. 7,9), пластинчатый, с уплощенными разомкнутыми концами. Вся внешняя поверхность браслета покрыта чеканным орнаментом. Сложный орнамент делает эту вещь уникальной. В сарматской культуре

браслеты, украшенные по всей внешней поверхности, а не только на концах, встречаются чрезвычайно редко. Аналогичной формы и тоже орнаментированный, но менее сложным орнаментом, браслет найден в сарматском погребении III в. н. э. в Олтении [29, S. 555, 556, Abb. 3,6; 4,8].

Браслет бронзовый (рис. 5,3), с незамкнутыми концами. Этот браслет принадлежит типу, чрезвычайно распространенному в очень широких территориальных и хронологических пределах. Он найден с мужским погребением. Интересно отметить, что у женщины браслеты были надеты на обе руки, а у мужчины – только на левую.

Серьги серебряные (рис. 5,2; 7,10). Один конец серьги раскован (имитируя змеиную голову?), в нем проделано отверстие. Другой конец загнут крючком и продет в отверстие. Вторая серьга была такой же формы, но она фрагментирована. Пара аналогичных серег найдена в склепе № 306 Нейзацкого могильника [30, с. 16, рис. 16,6; 17,17].

Эти серьги соответствуют типу V серег из могильника «Совхоз 10». Там, в комплексах, которые, по мнению авторов публикации, датируются III и III–IV вв. н. э., их найдено четыре пары [31, с. 151]. Аналогичная конструктивно, но несколько отличающаяся орнаментальными деталями и размерами, серьга была случайно найдена на территории Чатырдагского могильника [32, с. 139, табл. 62,10]. Похожие серьги, но с ложно витыми дужками, обнаружены в погребении II в. н. э. могильника Бельбек IV [33, с. 179, рис. 5,7,8]. Еще один аналогичный публикуемому экземпляр оказался в погребении III в. н. э. могильника Курское [34, с. 499, рис. 2,9]. Насколько можно судить по недостаточно подробному описанию и рисункам, сделанным только в одном ракурсе, подобные серьги находили в Усть-Альминском могильнике. Автор раскопок датирует их первой половиной II в. н. э. Однако единственный комплекс погребального инвентаря с такими серьгами, опубликованный в монографии Т. Н. Высотской, позволяет датировать его второй половиной II в. н. э. [35, с. 107, рис. 32,9,10, табл. 44].

Еще одна аналогичная публикуемому серьга найдена в тавельских гробницах. Определяя время последних погребений в тавельских курганах концом I – первой половиной II вв. н. э., А. А. Труфанов напрасно не обратил внимания на эту находку, которая, судя по аналогиям, относится к концу II – III вв. н. э. [36, с. 137, 138, рис. 1,17].

Изредка такие серьги встречаются за пределами Крыма. Экземпляр с дужкой из скрученной проволоки найден в черняховском могильнике Каборга, в погребении, датируемом второй половиной III в. н. э. [37, с. 88, рис. 31,16 = 38, с. 75, рис. 75,11]. Пара аналогичных серег (у одной из них щиток не сохранился) с ложновитыми дужками обнаружена в сарматском погребении III в. н. э. в *Стрscioarele* близ Бухареста [29, S. 555, Abb. 3,7,8; 4,4].

Подвески-лунницы серебряная (рис. 4,9) и бронзовая (рис. 4,10). Двурогие

бронзовые и серебряные лунницы были широко распространены в позднеримское время на территории Восточной Европы и Северного Кавказа. В Крыму они известны и в более раннее время [39, с. 45, рис. 31,9; 4, с. 152]. Лунницы отличаются друг от друга некоторыми деталями: размерами, способом крепления петли, наличием на петле рифления, ребром на внутренней или внешней поверхности и т. д. По классификации А. А. Стояновой бус и подвесок из могильника Нейзац, они относятся к типу М II.3 [40, с. 296, 298; 9, с. 110, в обеих работах приведены примеры находок лунниц в памятниках различных культур].

Типы бус, там, где это возможно, даны по классификации А. А. Стояновой, разработанной специально для могильника Нейзац [40]¹.

1. Шаровидные поперечносжатые из глухого черного на вид стекла. Два экземпляра объединены в столбик (4 экз.). Тип ОС.I,1 (рис. 9,13).

2. Цилиндрические из глухого белого стекла (59 экз. и фрагменты). Тип ОС.IV,1 (рис. 9,21,28).

3. Цилиндрические из глухого красного стекла (25 экз.). Тип ОС.IV,2 (рис. 9,6,25).

4. Цилиндрическая из глухого темно-зеленого стекла. Тип ОС.IV,6 (рис. 9,5).

5. Призматические уплощенные из глухого белого стекла (5 экз.). Тип ОС.VI,1 (рис. 9,23).

6. Призматические из глухого красного стекла (32 экз.). Тип ОС.VI,2 (рис. 9,35).

7. Призматическая из темно-лилового стекла. Тип ОС.VI,3 (рис. 9,22).

8. Призматические из глухого темно-зеленого стекла (2 экз.). Тип ОС.VI,5 (рис. 9,9).

9. Призматические из прозрачного темно-зеленого стекла (18 экз.). Тип ОС.VI,5а (рис. 9,37).

10. В форме 14-гранника из глухого темного стекла. Тип ОС.VII,1 (рис. 9,33).

11. В форме 14-гранника из прозрачного зеленого стекла (27 экз.). Тип ОС.VII,5 (рис. 9,30,31).

12. В форме 14-гранника из прозрачного синего стекла (7 экз.). Тип ОС.VII,8а (рис. 9,36).

13. Веретенообразная из глухого синего стекла с продольной структурой ядра. Тип ОС.VIII,1 (рис. 9,4).

14. В форме плоского диска из прозрачного синего стекла. Тип ОС.XIII,2 (рис. 9,7).

¹ Условные обозначения для типов бус: ОС – одноцветное стекло; МС – многоцветное стекло; ВМП – стекло с внутренней металлической прокладкой; Г – гагат; С – сердолик; Я – янтарь; Х – халцедон.

15. Бочковидные поперечносжатые с ребристой поверхностью из глухого черного на вид стекла (2 экз.) (рис. 9,16).

16. Усеченно-биконическая с ребристой поверхностью из глухого черного на вид стекла (рис. 9,12). Бусы типов №№ 15 и 16 ранее в могильнике Нейзац не встречались, нет их и в своде Е. М. Алексеевой.

17. Шаровидные поперечносжатые из глухого черного на вид стекла. По всей поверхности украшены пятнышками разного размера, выполненными из глухого белого, желтого, синего и зеленого стекла (4 экз.). Примерно соответствуют типу МС.І-І,2 (рис. 9,11).

18. Бочковидная продольновытянутая из глухого черного на вид стекла, украшенная фестончатым орнаментом из глухого белого стекла. Тип МС. V-І,1 (рис. 9,3).

19. Округлая из темного на вид стекла, украшенная перистым орнаментом белого цвета (рис. 9,10). В могильнике Нейзац ранее такие бусы не находили. Соответствует типу 259а по классификации Е. М. Алексеевой [41, с. 48].

20. Бочковидные продольновытянутые из темного на вид стекла, украшенные перистым орнаментом желтого цвета (2 экз.) (рис. 9,1,2). В могильнике Нейзац бусы с перистым орнаментом желтого цвета ранее не находили. Соответствуют типу 262б по классификации Е. М. Алексеевой [41, с. 48].

21. Шаровидные из стекла с внутренней металлической прокладкой желтого цвета. Некоторые объединены в столбики по 2-4 экземпляра (82 экз.). Тип ВМП.1 (рис. 9,18,34).

22. Бочковидные поперечносжатые из стекла с внутренней металлической прокладкой желтого цвета. Некоторые объединены в столбики по 2-3 экземпляра (90 экз.). Тип ВМП.3 (рис. 9,32).

23. Ромбовидные с двумя параллельными каналами отверстий из гагата (30 экз.). Тип Г.І,5 (рис. 9,19).

24. Подвеска в виде однолезвийного топорика из гагата. Тип Г.ІІІ,1 (рис. 9,17).

25. Шаровидная поперечносжатая из сердолика. Тип С.1 (рис. 9,15).

26. Шаровидные поперечносжатые из янтаря (112 экз.). Тип Я.І,1 (рис. 9,20).

27. Шаровидная поперечносжатая из халцедона. Тип Х.1 (рис. 9,27).

28. В форме уплощенных 14-гранников из камня темно-красного, почти коричневого цвета (сардер?) (3 экз.) (рис. 9,14).

29. Призматические из ирризированного стекла (2 экз. и фрагменты) (рис. 9,24,26).

30. Цилиндрические из ирризированного стекла (191 экз.) (рис. 9,8,29).

Всего в могиле № 300 найдено 698 бус, не считая многочисленных фрагментов. Такое количество бус обычно для крымских комплексов позднеримского времени с погребениями женщин, где бусы использовались для расшивки одежды.

Крупные темные бусы с перистым орнаментом вместе с колокольчиками и зеркалом компактно лежали у левой руки погребенной, вероятно, помещенные в какой-то мешочек. Этот обычай неоднократно фиксировался в могильнике Нейзац и в других крымских некрополях.

Почти все типы бус из могилы № 300 находят многочисленные соответствия как в самом могильнике Нейзац, так и в других северопричерноморских памятниках. Исключение составляют два типа бус из глухого темного стекла с ребристой поверхностью, которые ранее известны, кажется, не были.

Бочковидные бусы с желтым перистым орнаментом и округлые с белым перистым орнаментом в могильнике Нейзац ранее не находили, но это объясняется археологической случайностью. В других памятниках римского времени они хорошо известны, правда, в единичных экземплярах, наборами такие бусы не использовались.

Пронизь бронзовая (рис. 7,4), бочковидной формы, украшена продольными врезными линиями. Такие пронизи были широко распространены в Крыму и в сарматской степи во II–III вв. н. э. Соответствует типу М.І,7 по классификации А. А. Стояновой [40, с. 295, 296].

Зеркало бронзовое (рис. 7,11), с боковой прямоугольной петлей и плохо сохранившимся орнаментом на оборотной стороне. Зеркало относится к типу IX по классификации А. М. Хазанова [42, с. 66, 67]. В Крыму найдено множество таких зеркал, датируемых II–III вв. н. э. [43]. Около 40 экземпляров обнаружено в могильнике Нейзац [см. напр.: 22, с. 167, 170, 180, 189; 23, с. 40, 49].

Колокольчики бронзовые полусферические (рис. 7,5-7). Колокольчики широко использовались в качестве погребального инвентаря женских и детских погребений в течение всего римского времени. Они найдены в ареале различных культур Центральной и Восточной Европы. Полусферические экземпляры, кажется, обнаружены, в основном, в комплексах III в. н. э. [44, с. 155]. Маленькие полусферические колокольчики нередки в позднескифских и сарматских погребениях Крыма [45, с. 98, табл. XLIV,5-16; 46, с. 52, табл. XVII,3,4; 11, с. 41; 23, с. 49].

Амфора (рис. 3,3) по классификации Д. Б. Шелова относится к типу D узкогорлых светлоглиняных амфор [47, с. 19]. В настоящее время амфоры этого типа датируются III в. н. э. [11, с. 39]. А. М. Обломский описал морфологические особенности поздних, относящихся ко второй половине столетия, амфор этого типа [48, с. 58]. Публикуемая амфора такими особенностями не обладает.

Тарелка краснолаковая с вертикальным бортиком (рис. 3,2). Такие тарелки представляют собой один из самых распространенных типов краснолаковой посуды, найденной в Северном Причерноморье. Соответствует варианту III-Д-3 по классификации А. А. Труфанова, с датой вторая половина II – первая половина III вв. н. э. [49, с. 189]. По классификации тарелок из могильника

Бельбек IV относятся к форме 4.2 и датируются в пределах II – первой половины III вв. н. э. [50, с. 146-148].

Кубок лепной (рис. 3,1) со сферическим туловом и усеченно-коническим горлом, основание горла украшено коническими выступами. Возможно, кубок не относится к погребальному инвентарю могилы № 300. Фрагменты, из которых удалось склеить его значительную часть, найдены во входной яме вместе с обломками других сосудов.

Этот сосуд соответствует представленному единственным экземпляром IV в. н. э. типу 5 лепных кубков из могильника Дружное. Форма сосуда по происхождению сарматская. В Крыму такие кубки распространяются в позднесарматское время и приобретают украшения в виде конических выступов [51, с. 350]. По форме и орнаментации близок горшку из могилы № 123 IV в. н. э. могильника Нейзац [22, с. 186].

Обнаруженный в могиле погребальный инвентарь со всей очевидностью указывает на ее датировку в пределах III в. н. э. По всей вероятности, погребения были совершены в первой половине столетия. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, фибулы. Застежки «инкерманской» серии и одночленные лучковые варианта 4 по классификации А. К. Амброза были распространены как раз в первой половине III в. н. э.

Погребальный инвентарь, в целом, соответствует общепринятым представлениям о позднесарматской археологической культуре. Есть только одно, но существенное отличие. Важнейшим стилистическим признаком вещей, использовавшихся в позднесарматское время, является фасетировка. Металлические детали одежды и конской сбруи, как правило, имеют срезанные или сточенные грани. Сотни таких изделий найдены в могильнике Нейзац. Ни один из предметов, обнаруженных в могиле № 300, фасетировки не имеет.

Любопытно использование разных металлов для изготовления однотипных изделий. Так, из четырех совершенно одинаковых секировидных наконечников ремней два были сделаны целиком из бронзы, а два имели внешние серебряные и внутренние бронзовые пластины. Два наконечника ремней иного типа также были изготовлены из двух металлов. Внешние пластины у них серебряные, внутренние – бронзовые. Такие случаи в могильнике Нейзац фиксировались неоднократно [9, с. 106, 108]. Их легче всего объяснить, конечно, стремлением мастера и заказчика сэкономить драгоценный металл. Другой, еще более радикальный, способ экономии заключался в обтягивании одной из бронзовых пластин наконечника ремня тонким листом серебра [11, с. 54]. Дороговизной серебра, вероятно, можно объяснить то, что одна из двух подвесок-лунниц, лежавших на месте груди погребенной, была сделана из серебра, другая – из бронзы.

Подбойные могилы представляют собой один из самых заметных отличительных признаков позднесарматской культуры. Большие, просторные под-

бои, явно предназначавшиеся изначально для погребения более чем одного умершего, явление известное, но довольно редкое. Как правило, подбои были гораздо более узкими, и погребенных, если возникала такая необходимость, клали один на другого.

Во входной яме могилы № 300 обнаружены многочисленные кости лошади, но не в анатомическом порядке и не весь скелет. Значительное количество лошадей, похороненных в погребальных сооружениях разных типов, в том числе и во входных ямах подбойных могил, – отличительный признак, локальная особенность погребальных обрядов людей, хоронивших своих соплеменников в могильнике Нейзац. В некоторых, редких случаях во входных ямах обнаруживаются не целые костяки, а отдельные, пусть и многочисленные, лошадиные кости. В данной связи интересно отметить еще одну особенность погребального обряда. И в степях, населенных сарматами, и в предгорном Крыму лошадей хоронили, как правило, без сбруи, которую в сложном виде клали в могилы с погребениями людей. Судя по наконечникам ремней и бляшкам, найденным в головах погребенных, также дело обстояло и в данном случае. Ниша с удилами, сделанная в стене входной ямы могилы № 300, уникальная, не имеющая пока аналогий особенность этого погребального сооружения.

В могиле № 300 отмечены погребальные обряды, которые фиксируются в большинстве синхронных и однокультурных погребений, представляют собой яркие признаки крымского варианта позднесарматской археологической культуры. К их числу относятся кости животных и ножи, положенные в головах погребенных. Чаще всего они лежат в краснолаковых мисках, иногда рядом с краснолаковыми кувшинами, а иногда, как в данном случае, просто на дне могилы. Обшивка платья, особенно подола, бусами чрезвычайно характерна для женских погребений III в. н. э. К IV в. н. э. эта традиция прерывается. Интересно, что в IV в. н. э. бусами иногда обшивали одежду детей, чего в более раннее время не наблюдалось. Столь же характерно для женских погребений III в. н. э. компактное положение некоторых мелких вещей (в данном случае зеркала, колокольчиков и крупных бус у левой руки), помещенных, вероятно, в какой-то мешочек или сумочку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
2. Vaday A. Beitrag zum Fund von Visesd-Pusztá // Folia Archaeologica. 1986. XXXVII.
3. Madyda-Legutko R. Próba rekonstrukcji pasów z metalowymi czeźkami na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wpływów rzymskich i we wczesnej fazie okresu wędrówek ludów // Przegąd Archeologiczny. 1984. T. 31.
4. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.

5. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. III. Киев, 1990. (Препринт).
6. Simonenko A.V. Catacomb graves of the north Pontic region // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. 1995. I.
7. Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
8. Мульд С.А., Масякин В.В. Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
9. Храпунов И.Н. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. XVI/1.
10. Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ. 2003. Вып. III.
11. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 2002.
12. Кузнецов В.А. Погребения III в. из Кисловодска // СА. 1990. № 2.
13. Безуглов С.И. Военское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1997. Вып. 14.
14. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30.
15. Храпунов И.Н., Масякин В.В. Могила с двумя подбоями III в. н. э. из некрополя Дружное в Крыму // РА. 1998. № 4.
16. Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнелът Э., Масякин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) I–III вв. н. э. в юго-западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.
17. Храпунов И.Н. Погребение середины III в. н. э. из могильника Дружное // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
18. Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
19. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2.
20. Абрамова М.П. Фибулы Хумаринского могильника (II–III вв. н. э.) // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1996. Вып. 2.
21. Труфанов А.А., Колтухов С.Г. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму // Stratum plus. 2001-2002. № 4.
22. Храпунов И.Н. Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 1.
23. Храпунов И.Н. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
24. Храпунов И.Н. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
25. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
26. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
27. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму. (По материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.

28. Vörös G. Hunkori leletek a Szeged-Szóregi homokbányából // A Mora Ferenc Múzeum Evkönyve. 1986. I.
29. Morintz S. Ein Sarmatisches Grab aus Crscioarele // Dacia. 1960. IV.
30. Храпунов И.Н. Склеп с погребениями III–IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
31. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 2003-2004. № 4.
32. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Шукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006.
33. Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В. Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. М., 2001.
34. Труфанов А.А. Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Судейский сборник. Киев; Судак, 2004.
35. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
36. Труфанов А.А. Дополнения к опубликованным материалам гробниц в «Тавельских» курганах 1897 г. // У Понта Эвксинского (Памяти П. Н. Шульца). Симферополь, 2004.
37. Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.
38. Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.
39. Новиченкова Н.Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 2002.
40. Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.) // БИ. 2004. Вып. V.
41. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1978. Вып. Г1-12.
42. Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4.
43. Труфанов А.А. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.
44. Бобровская О.В. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников) // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
45. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев, 1983.
46. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. (Труды ГИМ. Вып. 70).
47. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156.
48. Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V вв. н.э.). М., 2003.
49. Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I.
50. Журавлев Д.В. Краснолаковые понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV // ХСб. 2005. Вып. XIV.
51. Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н. э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.

Храпунов И. Н.

**Подбойная могила с двумя погребениями III в. н. э.
из могильника Нейзац**

Резюме

Могильник Нейзац расположен в центре крымских предгорий, в долине реки Зуя, приблизительно в 25 км к востоку от Симферополя. В ходе археологических исследований, ведущихся с 1996 года, на его территории раскопано 352 погребальных сооружений, в том числе 59 склепов, 118 подбойных и 175 грунтовых могил. В настоящей работе публикуются результаты исследований подбойной могилы № 300, содержащей выразительный погребальный инвентарь, характерный как для могильника Нейзац, так и для синхронных ему памятников, расположенных в предгорной зоне Крыма.

В могиле обнаружены два погребения, мужское и женское. Сделанные находки позволяют датировать захоронения III в. н. э., по всей вероятности, первой половиной столетия. Погребальный инвентарь, в целом, соответствует общепринятым представлениям о позднесарматской археологической культуре. Типичными для этой культуры являются форма погребального сооружения; кости животных и ножи, обнаруженные в головах погребенных; обшивка женской одежды, особенно интенсивно подола, бусами; скопление мелких предметов у левой руки погребенной и другие особенности обряда, а также вещи, использовавшиеся в качестве погребального инвентаря.

При раскопках могилы № 300 зафиксированы особенности погребального обряда и инвентаря, редко встречающиеся у сарматов или присущие только данному погребальному сооружению. Речь идет о больших размерах подбоя; о значительном количестве костей лошади, но не полном скелете, обнаруженных во входной яме; о нише с удилами, сделанной в стене входной ямы; об отсутствии фасетировки на металлических деталях одежды и конской сбруи – стилистической особенности, характерной для большинства позднесарматских изделий.

Храпунов І. М.

**Підбійна могила з двома похованнями III ст. н. е.
з могильника Нейзац**

Резюме

Могильник Нейзац розташований в центрі кримських передгір'їв, в долині річки Зуя, приблизно в 25 км на схід від Сімферополя. В ході археологічних досліджень, що ведуться з 1996 року, на його території розкопано 352 похоронні споруди, у тому числі 59 склепів, 118 підбійних і 175 ґрунтових могил. У даній роботі публікуються результати досліджень підбійної могили № 300, що містила виразний поховальний інвентар, характерний як для могильника Нейзац, так і для синхронних йому пам'яток, розташованих в передгірській зоні Криму.

У могилі виявлено два поховання, чоловіче та жіноче. Зроблені знахідки дозволяють

датовати поховання III ст. н. е., ймовірно, першою половиною століття. Поховальний інвентар, в цілому, відповідає загальноприйнятим уявленням про пізньосарматську археологічну культуру. Типовими для цієї культури є форма поховальної споруди; кістки тварин і ножі, виявлені в головах похованих; обшивка жіночого одягу, особливо інтенсивно подолу, намистами; скупчення дрібних предметів біля лівої руки похованої і інші особливості обряду, а також речі, що використовувалися як поховальний інвентар.

При розкопках могили № 300 зафіксовані особливості поховального обряду і інвентарю, що рідко зустрічаються у сарматів або властиві лише даній поховальній споруді. Йдеться про великі розміри підбою; про значну кількість кісток коня, але не повний скелет, виявлених у вхідній ямі; про нішу з вудилами, зроблену в стіні вхідної ями; про відсутність фасетіровки на металевих деталях одягу і кінської збруї – стилістичній особливості, що характерна для більшості пізньосарматських виробів.

Khrapunov I. N.

**Shaft-and-Chamber Grave with two Burials of the 3rd century AD
from the Cemetery of Neizatz**

Summary

The cemetery of Neizatz is situated in the center of Crimean foothills, in the valley of the Zuja River, at approximately 25 kilometers to the east from Simferopol. In the course of archaeological research since 1996, on its territory 352 burial constructions were discovered; among them 59 vaults, 118 shaft-and-chamber and 175 ditch graves. In this work the results of research of shaft-and-chamber grave N 300 are published; it contains distinctive burial equipment characteristic for the cemetery of Neizatz as well as for synchronous monuments situated in the foothill zone of Crimea.

In the grave there were two burials, of a male and female. The discovered finds enable us to date burials by the 3rd century AD, most probably by the first half of the century. Burial equipment corresponds to common presentation of Late-Sarmatian archaeological culture. Typical characteristics of this culture are: the form of the burial construction; animals bones and knives found at the heads of buried; trimming of female clothes with beads, hem in particular; small objects at the left hand of the buried and other peculiarities of the funeral rite, as well as things used as funeral equipment.

During the excavation of grave N 300 some specific features of burial rite and funeral equipment were registered, which were seldom met among the Sarmatians or inherent only to the burial construction under consideration. They are: large size of the chamber; considerable quantity of horse bones, but not the whole skeleton, found in the shaft; a niche with bits in the wall of the shaft; lack of faceting on metal details of clothes and harness – stylistic feature characteristic for the majority of Late Sarmatian goods.

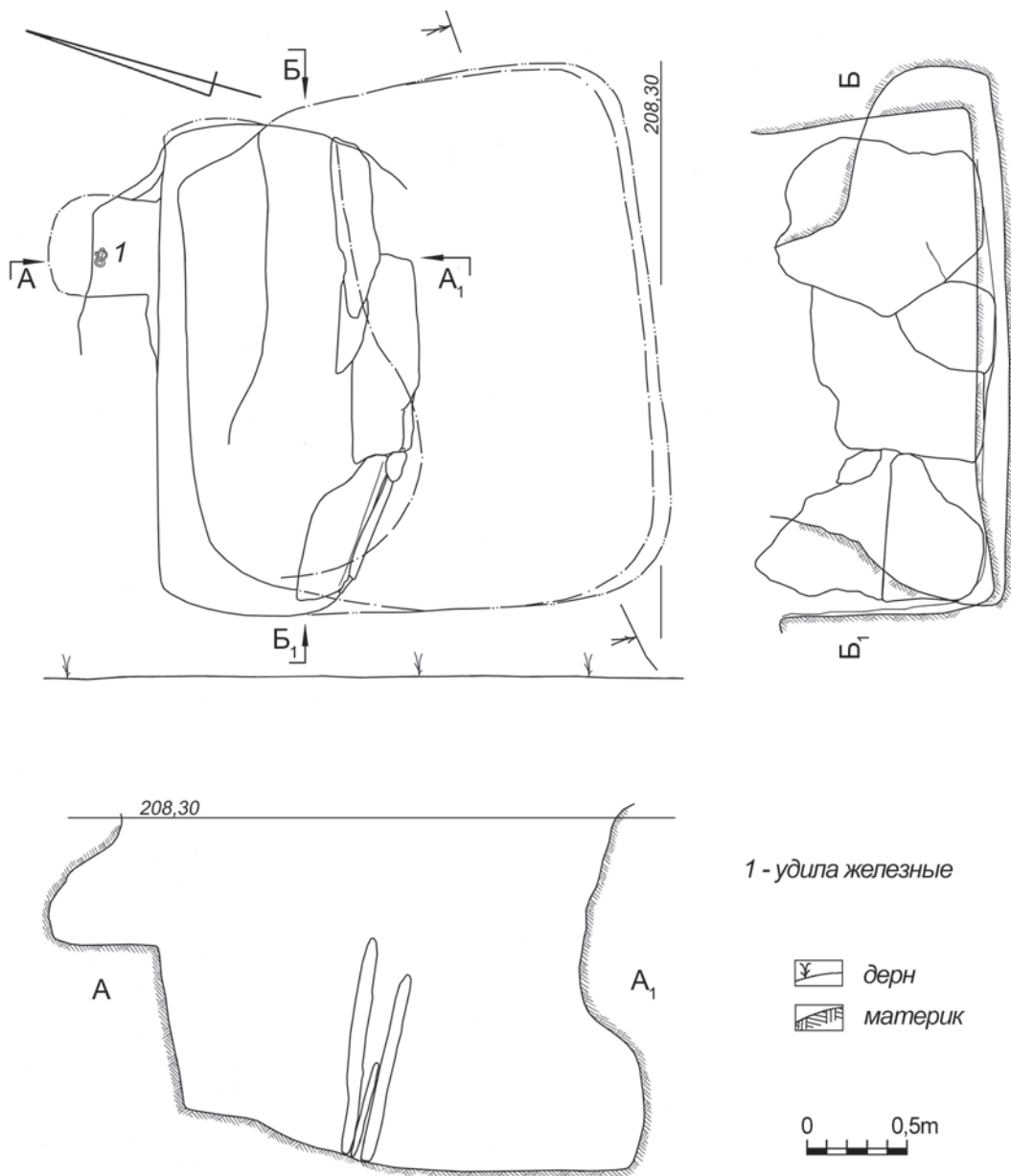

Рис. 1. План и разрезы могилы № 300.

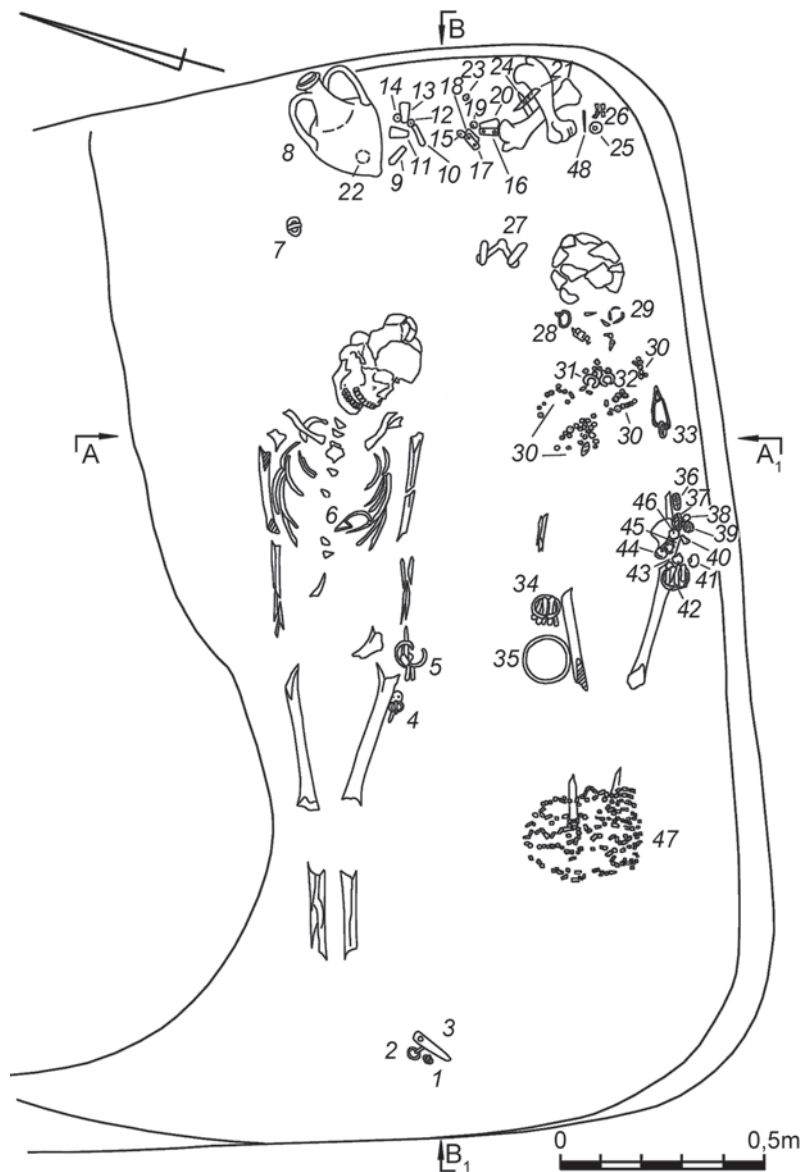

Рис. 2. План погребений в подбое.

1, 2, 4 – пряжки бронзовые; 3 – оселок; 5, 34 – браслеты бронзовые; 6, 33 – фибулы; 7, 22 – пряжки железные; 8 – амфора; 9-11, 13, 18, 20 – наконечники ремней; 12, 14, 15, 19, 23 – бляшки серебряные; 16, 17 – накладки на ремень бронзовые; 21, 24, 48 – ножи железные; 25 – пряслице керамическое; 26, 30, 36, 37, 39, 46, 47 – бусы; 27 – удила железные; 28, 29 – серьги серебряные; 31 – лунница бронзовая; 32 – лунница серебряная; 35 – тарелка краснолаковая; 38 – пронизь бронзовая; 40 – перстень серебряный; 41, 43, 44 – колокольчики бронзовые; 42 – браслет серебряный; 45 – зеркало бронзовое.

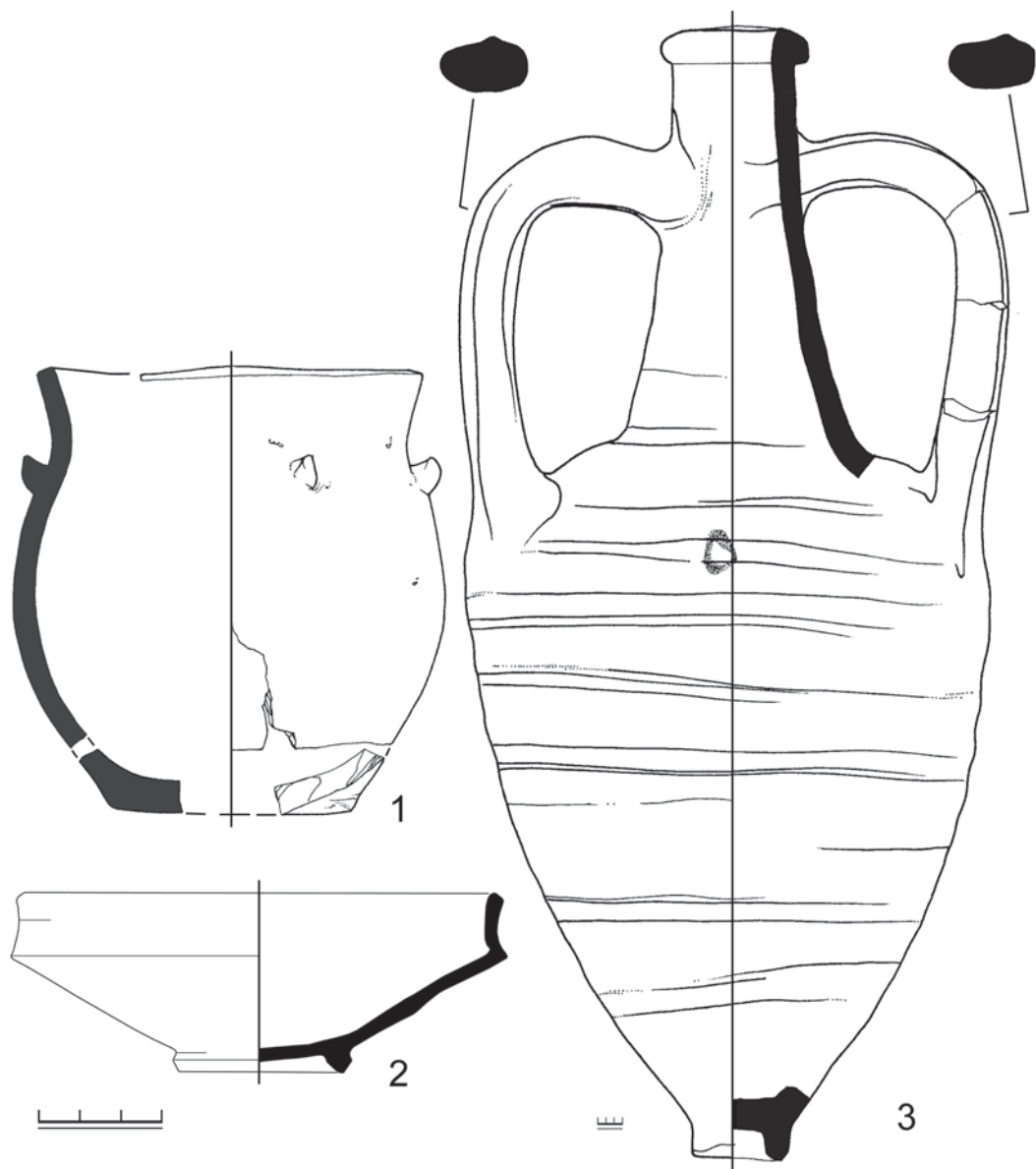

Рис. 3. Могила № 300. Погребальный инвентарь.
1 – сосуд лепной; 2 – тарелка краснолаковая; 3 – амфора.

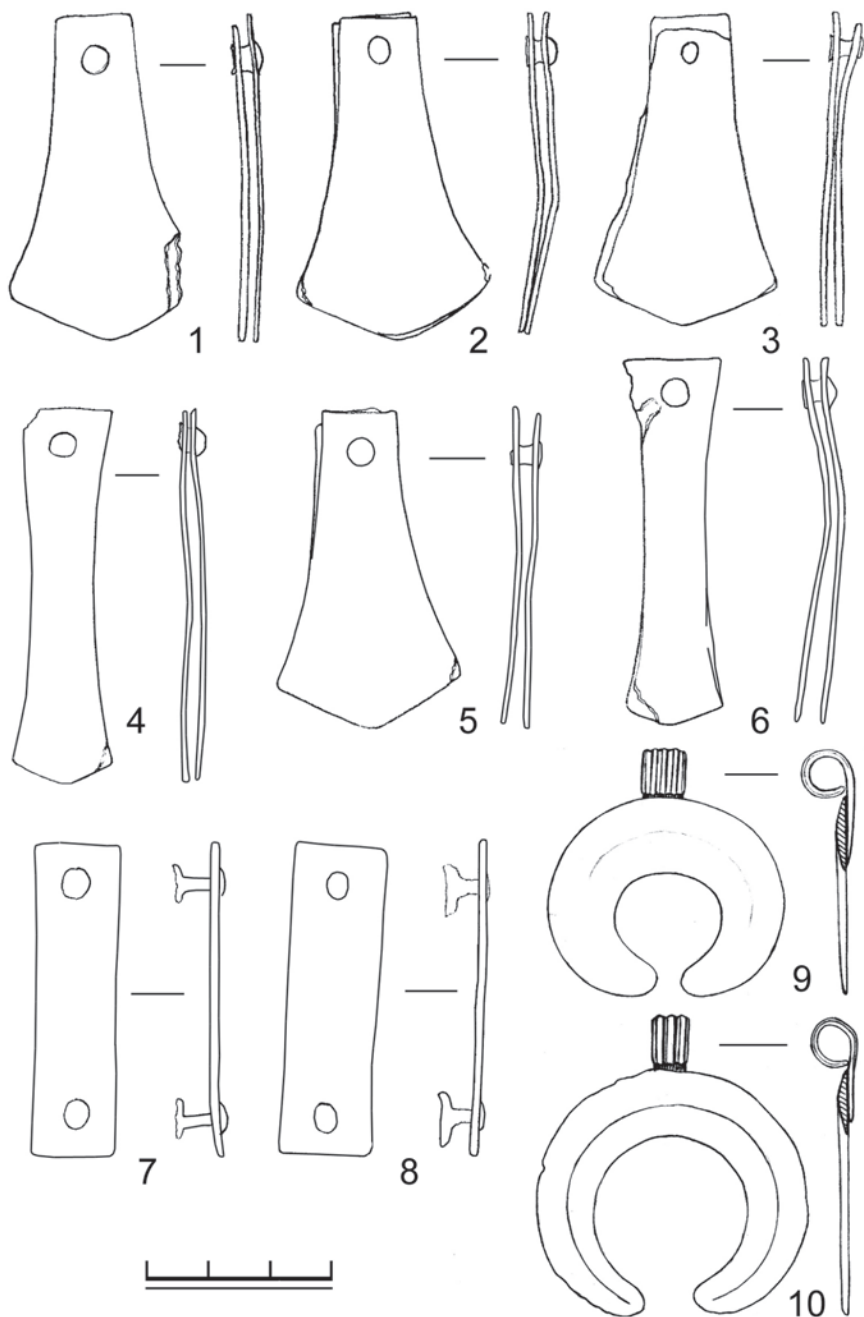

Рис. 4. Могила № 300. Погребальный инвентарь.

1-6 – наконечники ремней; 7, 8 – накладки на ремень бронзовые; 9 – лунница серебряная; 10 – лунница бронзовая.

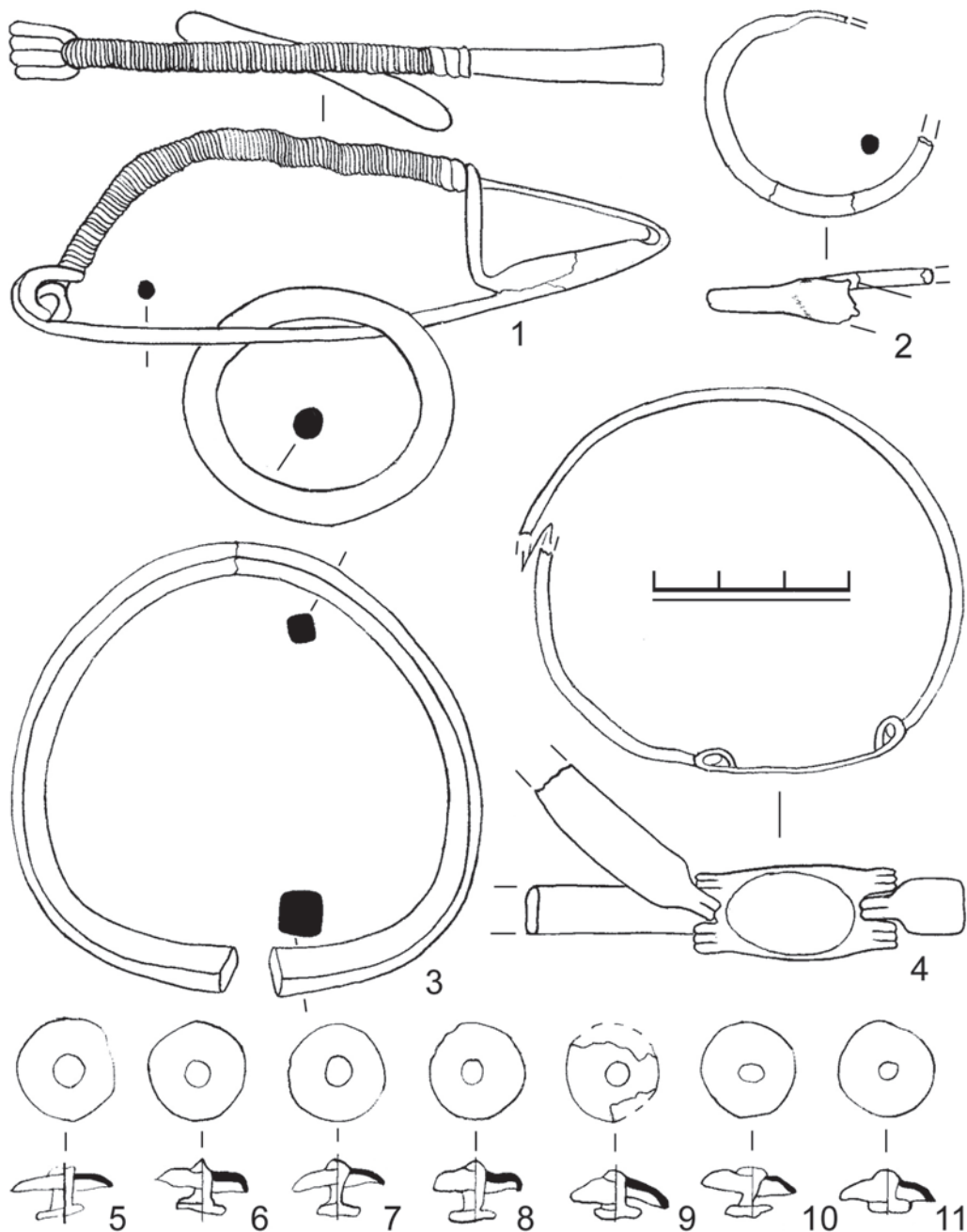

Рис. 5. Могила № 300. Погребальный инвентарь.
1 – фибула бронзовая; 2 – серьги серебряной фрагмент; 3 – браслет бронзовый; 4 – браслет серебряный; 5-11 – бляшки серебряные.

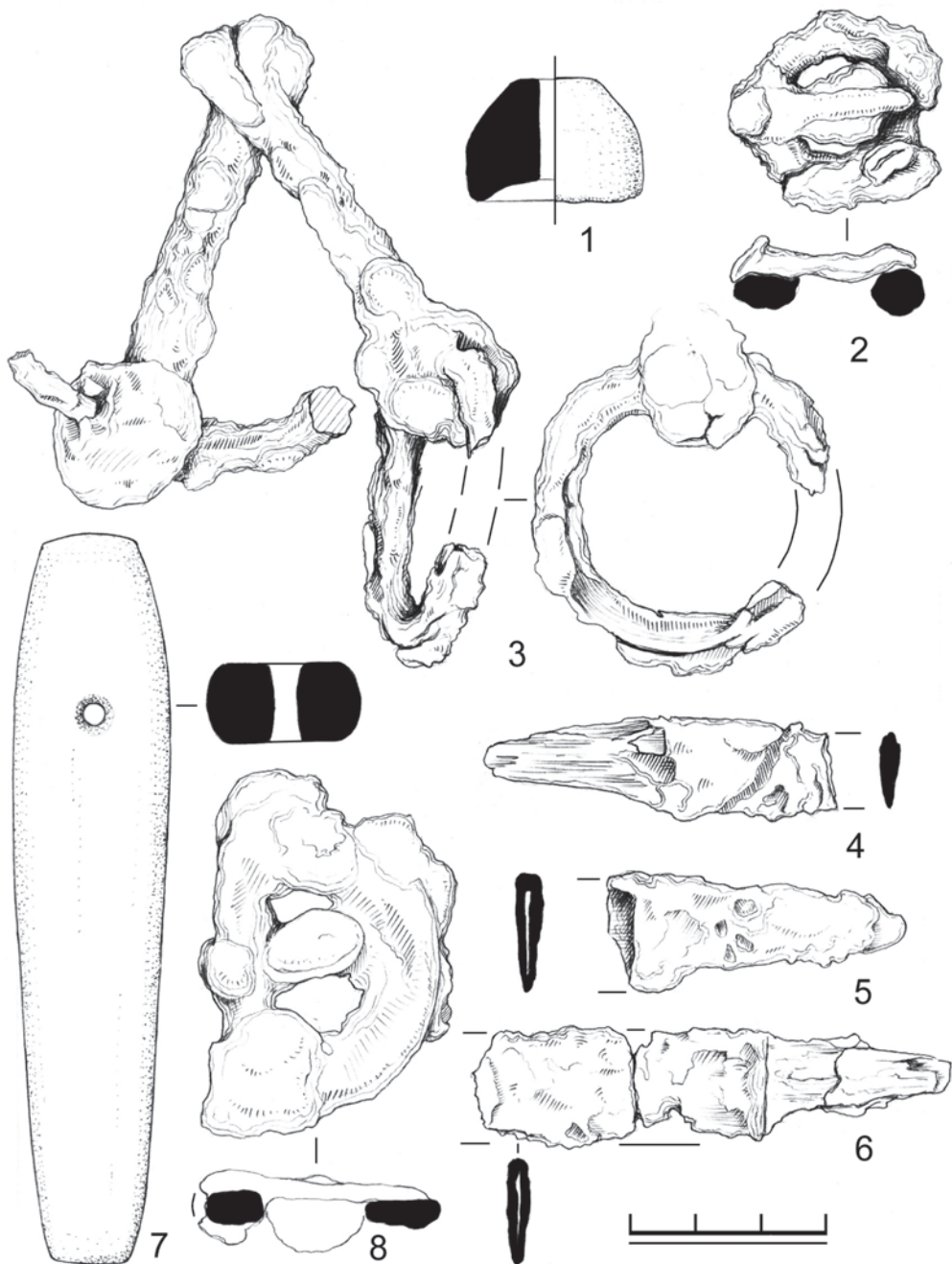

Рис. 6. Могила № 300. Погребальный инвентарь.

1 – пряслице керамическое; 2, 8 – пряжки железные; 3 – удила железные; 4-6 – ножей железных фрагменты; 7 – оселок.

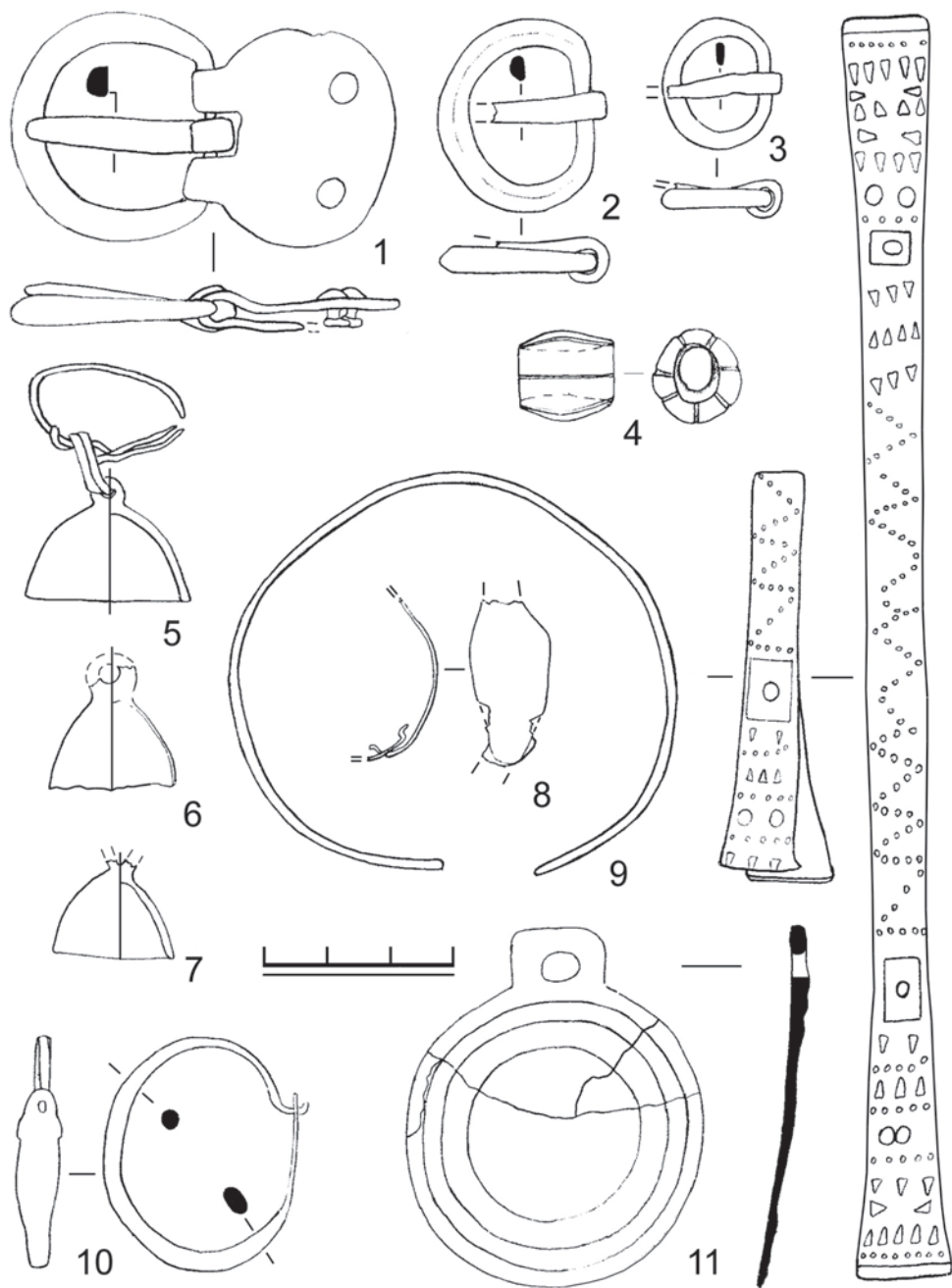

Рис. 7. Могила № 300. Погребальный инвентарь.

1-3 – пряжки бронзовые; 4 – пронизь бронзовая; 5-7 – колокольчики бронзовые; 8 – перстня серебряного фрагмент; 9 – браслет бронзовый; 10 – серьга серебряная; 11 – зеркало бронзовое.

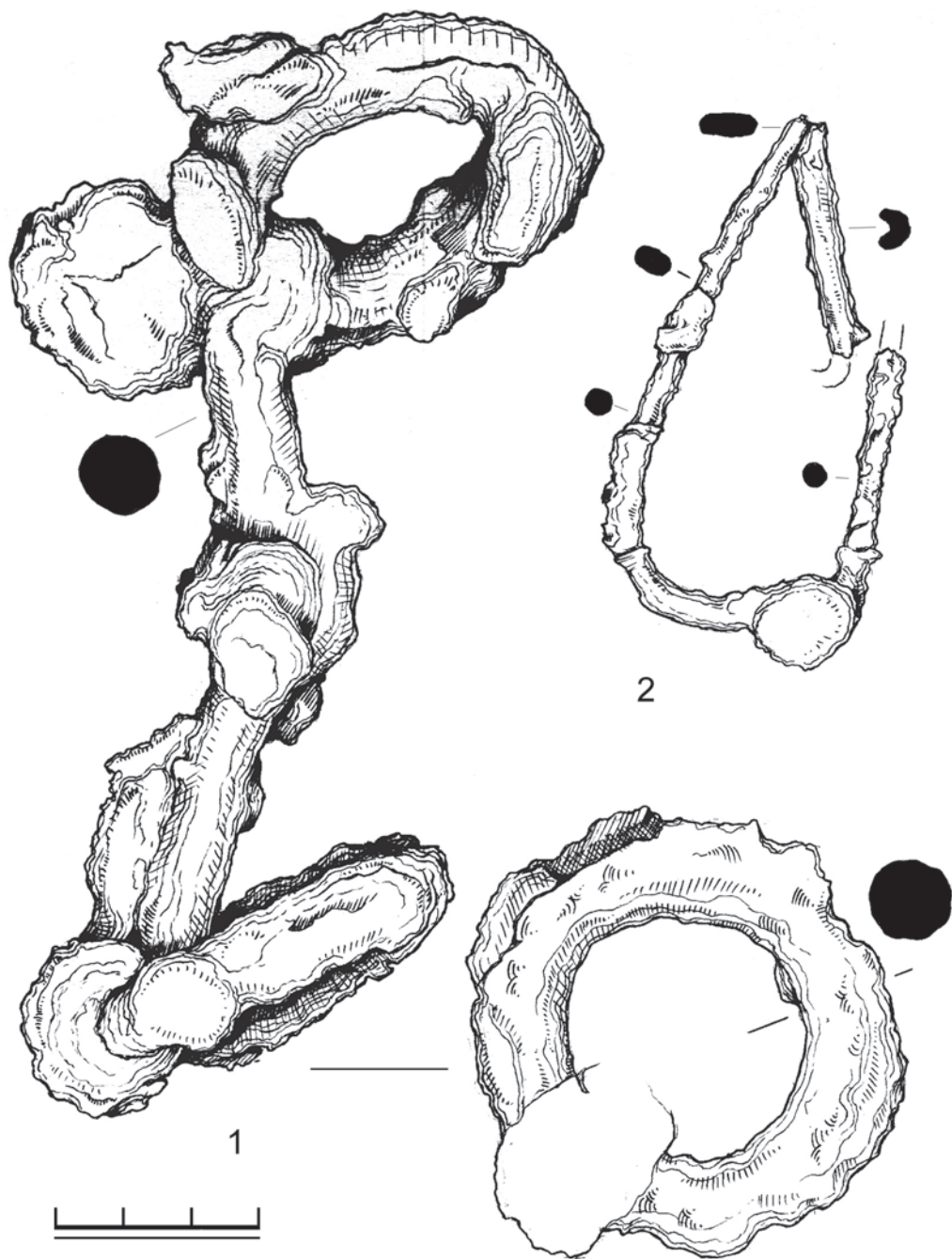

Рис. 8. Могила № 300. Погребальный инвентарь.
1 – удила железные; 2 – фибула железная.

Рис. 9. Могила № 300. Бусы (1-37).